

Героев Леонида Куравлева не спутаешь ни друг с другом, ни с кем другим. Разбитной Пашка Колокольников из фильма «Живет такой парень» и лукаво-простодушный Шура Балаганов из «Золотого тельца», возвышенно-романтическое ничтожество Аркадий из «Начала» и ставший для нас именем нарицательным Афоня из одноименной кинокартины... И каждый из них — таких разных — запомнился, полюбили зрителям обаятельной «куравлевской» улыбкой, той неоднозначностью и глубиной, которой одарил их актер. Сегодня народный артист РСФСР Леонид Вячеславович Куравлев отвечает на вопросы нашего корреспондента.

— Леонид Вячеславович, расскажите о том, что определило выбор вашего жизненного пути...

— К моменту окончания школы особого пристрастия к какой-либо определенной профессии у меня не было. Да и одного взгляда на мой аттестат зрелости было достаточно, чтобы понять, что мне не угрожает занятие каким-либо серьезным делом, точными науками, например. Выбрал актерство из-за... «авантюристичности» этой профессии. Пришел во ВГИК. Пришел, увидел... и не поступил. Думаете, огорчился?

Нисколько. Никакой трагедии. Стал работать на фабрике, которая выпускала кино- и фотоаппараты и елочные игрушки. А через год все же стал учиться во ВГИКе.

— Вы помните свой дебют?

— Смотря что считать дебютом. Впервые снялся, когда был на третьем курсе. В дипломной работе Тарковского. Сыграл солдата, который со своими товарищами обезвреживал мины, оставленные фашистами в Курске и обнаруженные там после войны. В дипломной ленте Шукшина «Из «Лебяжьего» сообщают...» играл тракториста. И это тоже считаю дебютом — первым прикосновением к творчеству Василия Макаровича. Моей первой полнометражной картиной был «Мичман Панин» Швейцера. Это стало дебютом в большом кино.

Вообще же для актера каждая картина — дебют: те же волнения, неизвестность, постижение нового характера. Конечно, со временем приходит некоторый опыт, но каждая новая роль, особенно если она для актера неожиданна, всегда вызывает у него те же, повторяю, волнения, что и у дебютанта.

— Вы утвердились на экране как актер комедийного жанра. Насколько вас устраивает такое ограничение в рамках одного амплуа?

— Ну, во-первых, я не утверждал себя комедийным актером. Считаю себя характерным актером. И вообще я против каких-либо ярлыков, которые, к сожалению, часто еще навешивают на нашего брата. Это не только несправедливо, но и вредно. Прежде всего актеру. Уж сколько раз говорилось об этом, писалось в наших профессиональных изданиях, приводились в пример работы Евгения Леонова в «Донской повести», Иннокентия Смоктуновского в фильме «Берегись автомобиля», других актеров, которые буквально уничтожают привычные представления о своих творческих возможностях. А воз, как говорится, и ныне там.

Устраивает ли меня ограничение, о котором вы говорите? Не уверен, что меня так уж и зажали в рамках одного амплуа. Более того, в моем «послужном списке» есть роли, в которых я, возможно, и не до конца использовал предложенный мне материал, но которые дороги мне именно своим драматизмом. Что до ограничений вообще, то кого из моих коллег они устраивают? А что делать? Не мы выбираем себе роли...

Если же под «чисто комедийными» вы подразумеваете такие, скажем, роли, как Афоня, то я за такое ограничение. Потому что Афоня, если его хорошенько «препарировать», скорее трагичен: его, может быть, когда-то проглядели, и именно в этом его трагизм.

— Что прежде всего интересует вас в человеке, которого предстоит сыграть?

— То его существование, которое осталось за кадром. Ведь кадр, сцена живы не только своим конкретным содержанием, но комплексом всего, что было «до того». Если размышлять о персонаже только по тому, что он говорит или делает в кадре, много не поразмышляешь. Да

и едва ли в этом случае можно сыграть интересно. Если же в фильме, скажем, есть переброски «через время», это-то время, эти годы и интересны мне. Ведь герой не просто меняется, спустя годы (седина, морщины, походка, глаза...), он меняется из-за чего-то, что было в его жизни. Сыграть это невозможно, но с этим войти в кадр и быть в нем — совершенно необходимо. Иначе — пустота, неправда.

— Но признайтесь, как зритель вы остаетесь верным комедии? Или какому-то иному жанру?

— Почему именно комедии? Судя по вопросу, вы лично все-таки записали меня в разряд комиков. Дело хозяйское... Нет, я не отдаю предпочтения какому-то одному жанру. Более того, не уверен, что какой-то жанр существует в чистом виде. Ведь в любом случае речь идет о человеческой жизни, судьбе, в которой смешное и трагическое

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

Леонид Куравлев

часто очень туго переплетаются. Все зависит от взгляда со стороны, от субъективного в каждом конкретном случае отношения к человеку, событию, судьбе.

— Сейчас много говорят о проблеме актерского и режиссерского кино. Скажем, идут смотреть Папанова, Леонова, Смоктуновского, но в то же время идут «на Тарковского», «на Данилину», «на Рязанова»... Ваше мнение на сей счет?

— Мне кажется, что это надуманная проблема. Вы можете представить себе игровой кинематограф без актеров? А без режиссера — без человека, создающего единое художественное кинопроизведение? Фильм нельзя принимать «местами»: вот здесь хорошо играют актеры, а вот здесь здорово снял оператор, а здесь — лихо смонтировал режиссер. Тогда это не фильм, не произведение киноискусства, а так — нечто непонятное. Хороший актер не спасет рыхлый сценарий, посредственную режиссуру. Если в каком-то из компонентов — драматургия, игра актера, режиссура, художник, оператор, музыка и так далее — «прокол», фильма как единого произведения нет. Главное в нашем деле — единство во всем, от освещения кадра до эстетических норм, убеждений.

Грустно, когда видишь хорошего актера в посредственном фильме, обидно за актера... С другой стороны, добротная драматургия, точная, конкретно на что-то направленная режиссура — все это совершенно по-новому открывает для зрителя даже широкоизвестного актера. Пример — Юрий Никулин в фильме «Когда деревья были большими».

Совершенно естественная взаимосвязь: режиссер осуществляет свой замысел через актера, актер раскрывается в этом замысле, несет основную эстетическую нагрузку фильма под руководством режиссера. Попытка поделить кинематограф, равно как и театр, на актерский и режиссерский, на мой взгляд, нелепа, ибо нельзя разорвать эту взаимосвязь.

Речь может идти лишь о некотором, что ли, диктате режиссера, за которым всегда остается последнее слово. Но, как правило, диктует тот, кто не сумел убедить. Слепое использование власти всегда выдает слабость. И не только в кинематографе. В любом деле.

— Как вы относитесь к своей популярности? Не мешает?

— Я не считаю себя очень популярным. Известным — возможно. Как и многие из моих коллег. Думать об этой известности и тем более как-то относиться к ней у меня нет времени. Я работаю. Честнолюбием, слава богу, не страдаю.

— И последний вопрос: ваши сегодняшние дела, заботы...

— Вернее, завтрашние. Начинаю сниматься в двух фильмах: у режиссера Киосавили в комедии «Дамы приглашают кавалеров» и у Басова — «Факты минувшего дня». О ролях сейчас ничего рассказывать не стану: поживем — увидим.

Беседу вел
Л. ДНЕПРОВСКИЙ.